

ПОНЯТИЕ «МАЛОРОССИЯ» И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ XVIII – XIX ВЕКА

Олег Журба

Abstract: presents for the social and scientific relevance of the terminology of the history of Ukraine, the main approaches to the interpretation of the concepts of “Little Russia” in historiography are presented, key debatable problems are identified, and possible ways of their consideration are outlined. Particular attention is paid to the pre-modern Little Russian nation, which became the starting point for the generation of numerous ideological programs for the construction of competing “Ukrainian projects” in the 19th – early 20th centuries.

Keywords: Little Russia, Ukraine, Little Russian nation, history of concepts, historiography.

Терминологический регистр для обозначения пространства истории Украины, не смотря на значительное внимание, уделяемое этому вопросу в последнее время, изучен явно недостаточно, односторонне, а нередко и схоластично. И это не удивительно, так как рождение и становление независимой Украины вызвало к ней всесторонний интерес совсем недавно. Спокойная, академическая дискуссия относительно украинского пришлого серьезно осложняется бурными политическими коллизиями XX – начала XXI вв., в которых история активно используется как тяжелая артиллерия в борьбе с политическими оппонентами. Это в полной мере относится к рассматриваемым историческим понятиям, превратившимся в современной общественно-политической лексике, в практиках средств массовой информации и государственной исторической политике в позорное клеймо, обозначающее врагов украинского народа и государства. Это, конечно, накладывает свой отпечаток и на характер профессиональных текстов, в которых для разговора о Малороссии и малороссах нередко требуется определенная профессиональная отвага. В большинстве же случаев исторические термины осознанно или не осознанно подменяются анахронизмами «Украина», «украинский». Именно поэтому представляется важным разобраться, чем же определен интерес к означенным понятиям и в чем их смысл и специфика.

Прежде всего отмечу значимость терминов и обозначаемых ими явлений. Без понимания того, что Малороссия занимает исключительно важное место в формировании модерного проекта украинской нации, невозможно адекватно представить не только прошлое Украины, но и её теперешнее положение.

Кроме того, эти как бы мерцающие термины обладают удивительной эластичностью, смысловой неуловимостью и многозначностью. Разбираться с их происхождением и эволюцией не только занимательно, но и полезно, так как в наше время

тотальной инструментализации истории, понятия Малороссия и Украина, малоросс и украинец, с одной стороны, нередко разведены как непримиримые крайности (смотри недавнюю коллективную монографию (Малороссы 2018) Института славяноведения РАН) а, с другой – практически отождествляются.

Интерес к этим понятиям вызван также стремительной динамикой их смыслового наполнения. Они совершили головокружительную эволюцию от позитивно-взвышенного обозначения своего выдающегося, великого, первородного Отечества, метрополии, старшего брата по отношению к Великороссии (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.), до убийственных характеристик малороссов как предателей Родины и клейма коллаборационистов (XX – начало XXI вв.).

Потенциал использования этих понятий связан не столько с их способностью четко очерчивать границы реальных территорий, сколько с возможностью обозначать пространства виртуальной географии, отраженные в сложных способах перекрестных идентификаций и самоидентификаций религиозных, административно-политических и этнических образований, а также чрезвычайно мобильного, очень непоседливого населения на южных рубежах Речи Посполитой, Московского царства и Российской империи.

Обращение к истории этих понятий в нашем случае связано и с огромными, нередко неосознанными трудностями, которые возникают в академической среде при описании исторических процессов и явлений XVIII – XIX вв. Самые распространенные из них:

- всеукраинские обобщения, делающиеся исключительно на малороссийском материале (например, под именем «украинского» выступают представители малороссийских фамилий – Капнисты, Полетики, Ломиковские, Тарновские, Галаганы, Чепы, Марковичи, Белозерские, Максимовичи и другие). Отсюда – презентации «малороссийского» как «украинского» и в школьных, и в вузовских учебниках, а также в профессиональной литературе (Гуржій 1999);
- интерпретация понятий как таких, что обозначают гомогенные объекты и явления без учета исторического контекста. В таком случае Малороссия и/или Украина во все времена выступают в неизменном виде. Между тем их значение прошло глубокую и сложную эволюцию;
- отсутствие понимания сложности, многослойности, динамики взаимодействия региональных идентичностей, которые и породили эту терминологическую путаницу даже в текстах такого историка как А. Каппелер (Каппелер 1997).

Очевидно, что непростая сама по себе терминологическая ситуация связана со слабой изученностью социально-экономической, духовно-культурной и интеллектуальной

истории Украины XVIII – начала XX вв., что облегчает её околонаучную инструментализацию и превращает, как отметила Т.Ф. Литвинова «в целом необходимые терминологические штудии ни во что другое, как в жонглирование понятиями, которое ничего не проясняют» (Литвинова 2011: 32).

Интерес к этой проблематике значительно усилился в последнее время и имеет существенную общественно-политическую подоплеку, что связано с затянувшимися поисками содержательного наполнения современного проекта модерной Украины, а также попытками реанимировать Малороссийский и Новороссийский проекты, взывающие к исторической региональной памяти.

Одной из определяющих причин таких деформаций в современном цехе профессиональных историков стало, по меткому определению Г.В. Касьянова, «третье переиздание агрессивно-политической версии этно-национального нарратива» (Касьянов 2018: 8) с отчетливыми признаками архаизации и геттоизации репрезентаций украинского исторического процесса. Последствием этого стало угрожающее доминирование в профессиональной среде дихотомического мышления, которое актуализирует упрощенные схемы понимания национальных проектов в империях на протяжении второй половины XVIII – начала XX вв. Самой распространенной из них можно считать теорию национального возрождения, претендующую на объяснение процесса формирования национального самосознания как линейного, поступательного иteleологического. Этот процесс представлен как непрерывная борьба группы активистов с глобальными силами зла, с имперскими структурами и «не нашей» культурой.

Такие подходы еще в начале 1970-х гг. были раскритикованы А.П. Оглоблиным, который отмечал, что в последнюю четверть XVIII в. этнические украинские регионы, вступили в столь качественно неоднородном социально-экономическом, духовно-культурном, конфессиональном и национально-демографическом состоянии, что, по его мнению, не дает возможности рассматривать историю украинских земель как гомогенный и синхронный процесс. Именно поэтому он призвал преодолеть узость концепции М.С. Грушевского и предложил изучать «долгий украинский XIX век» как историю конгломерата отдельных территориальных образований, взаимное «ознакомление» и взаимодействие которых, привело в конце концов к формированию предпосылок для вызревания украинской модерной нации (Оглоблин 1971).

Еще один подход демонстрируют работы А.И. Миллера, в которых рассмотрена эволюция понятий «малоросс», «хохол», «украинец» в общественном мнении XIX в. (Миллер 2012, Міллер 2012). Это позволило проследить изменение содержания этих терминов, их эмоциональной нагрузки и ценностного наполнения. Во всяком случае,

внимательный читатель может здесь наблюдать генезис тех образов украинства и малороссийства, которые окончательно оформились в публицистике к началу XX в. и остаются эталонными до нашего времени. В целом можно принять авторский вывод о том, что путь к современным формам самоидентификации, где ключевыми понятиями становятся «украинский», «великороссийский/русский» с окончательным вытеснением «малороссийского», «общерусского», стал результатом сложного взаимодействия и изменений многих интеллектуальных, общественных, политических и культурных факторов и полностью реализовался лишь в течение первой половины XX в. Кстати, ярким примером финального торжества «украинского» над «малороссийским» стало строгое указание переписчикам Всесоюзной переписи населения 1926 г. ни в коем случае никого не записывать малороссами.

Однако в работах А.И. Миллера совсем не учтен принципиально важный период второй половины XVIII – начала XIX вв., а эволюция «малоросса» как понятия и способа пространственно-временной идентификации, на мой взгляд, представлена схематично как механическая замена одних смыслов и характеристик другими, с чем трудно согласиться. Все же обращаю внимание, что перед нами уже не единый «украинский», а целый набор «украинских/малороссийских» проектов, которые представлены здесь как живое, конкурентное и внутренне противоречивое явление.

Что же касается проекта домодерной малороссийской нации второй половины XVIII – первой половины XIX вв., как базового интеллектуального продукта для строительства всего многообразия национальных проектов до начала XX в., то он существенно недооценен в историографии.

Вопрос о его роли в формировании современного украинства был поставлен З. Когутом (Когут 2004). Однако, несмотря на важный вывод, что «развитие малороссийской идентичности оказалось началом современного украинского национального строительства», существенные возражения вызывают другие наблюдения автора.

Это касается пессимистического утверждения о том, что «подъем исторического самосознания свидетельствовал не о дальнейшем развитии малороссийской идентичности, а скорее об уверенности в ее неминуемом упадке». Историк утверждал: «Вместо того, чтобы перерasti в модерное малороссийское национальное сознание, малороссийская идентичность пошла по пути удивительного Landespatriotismus, который оплакивал упадок малороссийской нации» (Когут 2004: 99).

Историк признавал амбивалентность воздействий малороссийской идентичности, которая, с одной стороны, сыграла важную роль в процессе современного украинского национального строительства, а, с другой, «подготовила сторонников

великорусской концепции, считавших малороссиян ответвлением единой российской нации» (Когут 2004: 100).

И все же, представление о том, что старая малороссийская идентичность, составлявшая интеллектуальную почву домодерной нации, исчезла вместе с ней в 1840-х гг. и привела к становлению только двух конкурирующих национальных проектов, кажется существенным упрощением. Вместе с тем, надо признать, что предложения З. Когута стали важным шагом к легитимации исследований малороссийского интеллектуального наследия второй половины XVIII – начала XX вв. в современной украинской историографии.

Уже приходилось писать о том, что дело с идейным наследием Старой Малороссии/Гетманщины, как и других регионов того времени, оказалось значительно сложнее, чем предполагал З. Когут (Журба 2013 а; Журба 2013 б; Журба 2013 в; Журба 2017). И это связано не только с интеграцией в имперские структуры, но и с существованием других центростремительных сил, интеллектуальные проекты которых могли привлекать носителей различных вариантов региональных «украинских» идентичностей (Журба 2019).

Во второй четверти XIX в. оформилось, с разной стадией зрелости, минимум пять таких проектов. Три из них, каждый по-своему, органично интегрировались в общеимперские иерархии (старая малороссийская идентичность, региональная Слободская и новая культурно-этническая малороссийская). Еще две, также каждая по-своему, исключались из общеимперских иерархий, выбирая другие ориентиры (украинский этнонациональный политический проект, который мыслился как составляющая виртуального общеславянского федеративного проекта, и польский украинский проект, который апеллировал к общему политическому прошлому и будущему). И это – не считая поисков самоопределения многонациональных элит Новороссийского генерал-губернаторства и целого веера русинских проектов на территории Австрийской империи. Исходя из этого, очевидна невозможность сведения сложных интеллектуальных процессов к дихотомическому противостоянию национального украинского и малороссийского проектов, к линейным, телеологическим презентациям становления зрелого украинского проекта.

Вполне пригодные для пропаганды, нередко отождествляемой с публичной историей, такие презентации не только примитивизируют представление о сложностях формирования украинской модерной идентичности, но и приводят к неадекватному пониманию содержания современных общественных и интеллектуальных процессов и, как следствие, к неадекватным оценкам и действиям.

Одним из таких проектов, серьезно и незаслуженно обойденным вниманием, стал «проект малороссийской нации», созревший в течение XVIII в. и, по мнению историков, «похороненный» в первой половине XIX в. Прежде всего отмечу, что, в отличие от

аморфных, ситуативных, эксклюзивных, мерцающих и неоформленных «малороссийских» и «украинских» проектов XIX в., это – полностью зрелый общественно-политический, ментальный и интеллектуальный продукт. Он был формально выписан, обоснован и даже публично представлен, четко оформлен в текстах своих оракулов, прежде всего Г. Полетики, в выступлениях и петициях малороссийских депутатов в Уложенной комиссии 1767–1774 гг., в официальных записках малороссийской шляхты начала XIX в., исторических работах и переписке Ф. Туманского, А. Чепы, В. Ломиковского, В. Полетики, Н. Маркевича, Я. Марковича, А. Мартоса, А. Марковича и других (Литвинова 2001, Литвинова 2005; Литвинова 2011; Литвинова 2015; Литвинова 2019).

Интересно, что эти тексты и связанные с ними сюжеты не обойдены вниманием в историографии. Однако они преимущественно воспринимаются или в народническом духе – как проявление шляхетского эгоизма, или же в примитивно-консервативном автономистском ключе – как явление, что зовет в прошлое, к славным временам казацкого государства.

Эти тексты практически не привлечены к рассмотрению проблемы самоидентификации и генерирования будущих национальных проектов. Их авторов А.М. Лазаревский называл «прежними изыскателями малорусской старины», явно недооценивая зрелость и значимость их политической мысли и культуры (Лазаревский 1894-1897).

Одной из уникальных особенностей домодерной малороссийской нации, отличающей её от всех последующих проектов, является то, что она, по большому счету, не была проектом. То есть, представления о ней зарождались, оформлялись, проговаривались и эволюционировали не столько как мечта, фантазия о неосуществимых идеалах, а как вполне реалистичный интеллектуальный продукт, ставший результатом рационального анализа текущих социально-экономических, духовно-культурных, демографических, международных проблем. Он был нацелен на рассмотрение насущных общественных вопросов и выработку путей и способов их разрешения.

В отличие от большинства последующих проектов с их откровенно заостренной социальной и национально-культурной конфликтностью, идеологи малороссийской нации второй половины XVIII – первой половины XIX вв. прилагали усилия к возможной в тех обстоятельствах консолидации не только элиты, но и всех слоев общества. Это сообщество терминологически самоидентифицировалось в большинстве публичных текстов как «малороссийский народ». Причем, подчеркну еще раз, что под «народом», в отличие от речнополитской элиты того времени, речь шла не только о шляхте, но обо всех социальных категориях населения.

Впервые консолидировано представители этого народа заявили о своем видении политического и социального реформирования Отечества в «Прошении ... о возстановлении разных старинных прав», представленном Екатерине II в 1764 г. и составленном по результатам коллективного обсуждения на так называемом Глуховском съезде 1763 г. Они требовали гарантий прав и свобод всем слоям общества и подтверждение особенностей административного устройства и управления. Здесь речь шла о модернизации казацкого войска, развитии торговли и ремесла, ориентации на европейские образовательные и культурные практики (Прошение 1883).

В 1768 г. во время работы Большого собрания Уложенной комиссии малороссийские депутаты также почти единодушно заявляли о необходимости сохранения особенностей краевого управления. Причем признавалось, что любая единоличная должность – то ли гетмана, то ли генерал-губернатора – не является необходимой вообще, поскольку несет угрозу узурпации власти. Малороссией, по мнению депутатов, должен управлять только представительный орган (рада, сейм, сеймик), в работе которых будут участвовать, кроме шляхты, также казачество, мещанство, духовенство, а при решении наиболее важных вопросов – и посольство (Прошение 1995).

Зрелость, сформированность домодерной малороссийской нации проявилась и на историографическом уровне. Если историографический процесс представлять в категориях формирования украинской национальной историографии, то его лидером был именно малороссийский историко-культурный ареал. Постепенная смена стилей и методов исторических исследований, основательная летописная традиция со своей проблематикой, набором источников, идейными установками, кадровым обеспечением определили ведущую роль этого региона в формировании исторических стереотипов и дальнейшей консолидации украинской исторической науки. Важнейшее место среди произведенных и привитых будущим национальным проектам способов восприятия и воспроизведения «нашей» истории, занял казацких миф (Плохій 2012; Шаталов 2016).

Обращу внимание на то, что в текстах малороссийских интеллектуалов того времени ярко и четко отразились представления об уникальности Малороссии, понимание территориальных границ своей Родины, ее отличия от соседних, в том числе украиноэтнических регионов, т.е. все то, что позволяет определять административно-территориальный патриотизм как важнейшую черту этого национального организма. Поэтому, наверное, совсем не случайно в текстах второй половины XVIII – первой половины XIX вв. нередко вместе с понятием «малороссийский народ» употреблялось и самоопределение «малороссийская нация». В политическом плане она встраивала себя в

систему подданства российскому императору, требуя взамен защиты и поддержки своего эксклюзивного национального пространства.

Малороссийская нация как политическая и политико-правовая реальность к началу 40-х гг. XIX в. постепенно растворялась. Однако, инерция «долгого времени» ментальных структур и стереотипов обеспечила устойчивость и живучесть идеи домодерной малороссийской нации, наполняя ее новым содержанием, смыслом которого становился поиск новой – этнической – Родины. Ее пространство было значительно шире административно-территориальных границ Старой Малороссии/Гетманщины.

Примером такого поиска стал проект административной реформы, предложенный Григорием Павловичем Галаганом, представителем нового поколения малороссов, для которого, однако, Старая Малороссия, то есть бывшая Гетманщина, еще долгое время представлялась «островом, окруженным морем – Россией». А уже в конце 1850-х гг. в своем проекте он очертил более широкие границы Малороссии, включив в нее не только левобережные, но также правобережные и материковые новороссийские губернии, невольно конструируя тем самым новое национальное пространство и новую историческую память. Интеграционный по своей сути, проект Г.П. Галагана в первую очередь интересен с точки зрения «собирания» Отечества и представления о ее возможных новых границах. Своебразным символом и важным аргументом его реализации стал для автора Николаевский мост через Днепр, заложенный в 1848 г. и освященный в 1853 г. в один день с памятником князю Владимиру в Киеве. Однако следует заметить, что создание новой ментальной карты было результатом не только напряженного творчества самого Г.П. Галагана, но и активной многолетней работы по «собиранию наследия» во всех украинских регионах, деятельности Киевской археографической комиссии, малороссийской историографической экспансии, а также обсуждения проблем своей родины в определенном кругу интеллектуалов. Г.П. Галаган же выступил здесь как своеобразный лидер группы, осуществлявшей «мозговой штурм». Оформление результатов этого «штурма» в виде проекта было одновременно и демонстрацией возможностей административного фактора, способного четко организовать пространство, создавая тем самым новые ментальные карты в сознании не только узкого круга интеллектуалов, но и широких масс, а также новый «национальный ландшафт» как важный элемент мобилизации национального самосознания и постановки национальных задач (Litvinova 2018).

Не случайно именно к концу 1850-х гг. относится крайне резкая оценка Г.П. Галаганом манифестиования Пантелеимоном Кулишем новой системы идентичностей. Г.П. Галаган возмущенно писал в письме к Н. Ригельману о предательстве малороссийского патриотического дела, определяя это в категориях: «Кулиш сошел с ума», т.к. тот, кроме

прочего, исключил из «народа» шляхту-дворянство, т.е. разрушал идею социального единства, характерную для Малороссии (Литвинова 2011: 639). Народ с той поры стал отождествляться только с социальными низами, прежде всего с крестьянством. Даже казацкий миф постепенно уходил на второй план, переосмысливаясь в народнических категориях борьбы за социальные права угнетенных.

Именно с этого времени и можно говорить о начале острой конкуренции многочисленных украинских, малороссийских, общерусских и великороссийских проектов, борьбе которых, казалось бы, положила конец советская власть, украинизация и создание украинского государства. Но, как оказалось, понятия «Малороссия» и «малоросс» дожили до сегодняшнего дня не только как научная, но и как общественно-политическая проблема.

Среди этих проектов особого внимания заслуживает переопределение административно-территориальной Малороссии в новых этно-национальных категориях, оказавшее решающее влияние на поиски и осознание пределов её этнического пространства. Из узких, но четко отмеченных на картах границ Старой Малороссии её наследница отправилась на поиски широких, но виртуальных просторов, определяемых языком, этнографией и фольклором. На эти новооткрытые территории предъявила свои претензии рожденная под флагами романтизма, этнического малороссийства, панславизма, польского и российского национализма Новая Украина (Журба 2003). Очень важно понимать, что все эти проекты, меняясь между собой в иерархической общественно-политической и культурной повестке, не вытесняли друг друга, а находились в непрерывном конкурентном взаимодействии.

Сложность и невысокий уровень научного освоения проблемы демонстрирует и заслуживающая внимания недавняя монография К. Федевича с характерным названием «За Веру, Царя и Кобзаря» (Федевич 2017), где автор предпринял не совсем обоснованную, но интересную попытку расширения круга «малороссийских/украинских» проектов за счет переосмысления деятельности черносотенных организаций начала XX в. В других условиях такая интеллектуальная провокация могла бы стать поводом для серьезного научного диалога как вокруг терминов, довольно путано представленных автором, так и вокруг самого явления. Но, к сожалению, пока что такая дискуссия вряд ли возможна. Уж слишком эмоционально и политически нагружены эти понятия.

Література:

Гуржій 1999: Гуржій Олександр, Чухліб Тарас. Гетьманська Україна. Київ, 1999.

Журба 2003: Журба Олег. Становлення української археографії: люди, ідеї інституції, Дніпропетровськ, 2003.

Журба 2013 а: Журба Олег. «Внутренняя колонизация» и освоение прошлого имперских регионов. В: – Российская империя в исторической ретроспективе, Белгород, 2013, вып.8, 56–59.

Журба 2013 б: Журба Олег. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плenу «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры). В: – Мир историка: историографический сборник, Омск, 2013. вып. 8, 124–165.

Журба 2013 в: Журба Олег. «Національне» та «регіональне» у модерних репрезентаціях історії українського історіописання. У: – Український гуманітарний огляд, 2013, вип. 18, 9–50.

Журба 2017 : Журба Олег. Украинская историография второй половины XVIII – начала XX вв.: проблемы конструирования. В: – Мир историка: историографический сборник, Омск, 2017, вып. 11, 222–243.

Журба 2019: Журба Олег. «Українські» національні проекти довгого XIX ст. в імперському просторі. У: – Історія та історіографія в Європі, Київ, 2019, вип. 6: Ідеології та практики націоналізму і ксенофобії у Східній Європі, 62–69.

Каппелер 1997: Каппелер Андреас. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи. В: – Россия – Украина: история взаимоотношений, Москва, 1997. Режим доступа: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz11.htm> (посетил 09.09.2019).

Касьянов 2018: Касьянов Георгій. Past continuous: історична політика 1980-х – 2000-х. Україна і сусіди. Київ, 2018.

Когут 2004: Когут Зенон. Развиток малоросійської самосвідомості і українське національне будівництво. У: – Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної історії України. Київ, 2004.

Лазаревский 1894-1897: Лазаревский Александр. Прежние изыскатели малорусской древности. I. Яков Михайлович Маркович (1776 – 1804). В. Киевская древность, 1894, № 12, 349 – 387; II. Алексей Иванович Мартос, 1895, № 2, 170–194; III. Александр Михайлович Маркович (1790 – 1865), 1897, № 1, 92 – 111; № 2, 275 – 310.

Литвинова 2001: Литвинова Татьяна. Малоросс в российском культурно-историографическом пространстве второй половины XVIII века. В: – Дніпропетровський історико-археографічний збірник, 2001, вип. 2, 28–64.

Литвинова 2005: Литвинова Тетяна. «Сословные нужды и желания» дворянства Лівобережної України на початку XIX ст. У: – Український історичний журнал, 2005, № 2, 67–78.

Литвинова 2011: Литвинова Тетяна. «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – в першій половині XIX ст. (ідеологічний аспект), Дніпропетровськ, 2011.

Литвинова 2015: Литвинова Татьяна. Г.А. Политика: «публичный интеллигент» второй половины XVIII в. В. – Вестник Омского университета. Исторические науки, 2015, № 2, 79–86.

Литвинова 2019: Литвинова Татьяна. «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. Москва, 2019.

Малороссы 2018: Малороссы vs украинцы: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи, Москва, 2018.

Миллер 2012: Миллер Алексей, Котенко Антон, Мартынук Ольга. Малоросс. В: – «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Москва, 2012, 392–443.

Міллер 2012: Міллер Алексей, Котенко Антон, Мартинук Ольга. «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії. У: – Український гуманітарний огляд, 2012, вип. 16/17, 55–115.

Оглоблин 1971: Оглоблин Олександр. Проблема схеми історії України 19 – 20 століття (до 1917 року). У: – Український історик, 1971, № 1–2, 5–16.

Плохій 2012: Плохій Сергій. Козацький міф. Історія і націстворення в епоху імперії. Київ, 2012.

Прошение 1995: Прошение малороссийских депутатов во время составления Уложения (1768). У: – Пам'ятки суспільної думки України (XVIII – перша половина XIX ст.): Хрестоматія. Дніпропетровськ, 1995, 164–169.

Прошение 1883: Прошение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом о возстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году. В: – Киевская старина, 1883, № 6, 317–345.

Федевич 2017: Федевич Клементій, Федевич Клементій. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905 – 1917 роки). Київ, 2017.

Шаталов 2016: Шаталов Денис. Уявлення про козацтво. Українське козацтво у суспільний думці другої половини XVIII – першої половини XIX ст. Дніпро, 2016.

Litvinova 2018: Litvinova Tetiana. Поляки сквозь призму идентичности украинской элиты середины XIX в. В: – Dobre s zle sąsiedztwa. Obce – nasze – inne: monografia. Bydgoszcz, 2018, т.1: Bliscy I dalecy sąsiedzi, 102–111.

Інформация об авторе:

Олег Журба – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина)

E-mail: zhurba.oi@i.ua